

ДЭН БРАУН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ ВО ВСЕМ МИРЕ.
КНИГА, КОТОРУЮ ОБСУЖДАЮТ МИЛЛИОНЫ.

Роберт Лэнгдон

Дэн Браун
Происхождение

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Браун Д.

Происхождение / Д. Браун — «АСТ», 2017 — (Роберт Лэнгдон)

ISBN 978-5-17-106150-0

Роберт Лэнгдон прибывает в музей Гуггенхайма в Бильбао по приглашению друга и бывшего студента Эдмонда Кирша. Миллиардер и компьютерный гуру, он известен своими удивительными открытиями и предсказаниями. И этим вечером Кирш собирается «перевернуть все современные научные представления о мире», дав ответ на два главных вопроса, волнующих человечество на протяжении всей истории: Откуда мы? Что нас ждет? Однако прежде, чем Эдмонд успевает сделать заявление, роскошный прием превращается в хаос. Лэнгдону и директору музея, красавице Амбре Видаль, чудом удается бежать. Теперь их путь лежит в Барселону, где Кирш оставил для своего учителя закодированный ключ к тайне, способной потрясти сами основы представлений человечества о себе. Тайне, которая была веками похоронена во тьме забвения. Тайне, которой, возможно, лучше бы никогда не увидеть света, – по крайней мере, так считают те, кто преследует Лэнгдона и Видаль и готов на все, чтобы помешать им раскрыть истину.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106150-0

© Браун Д., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дэн Браун

Происхождение

Dan Brown
ORIGIN

© Dan Brown, 2017

© Перевод. И. Болычев, 2017

© Перевод. М. Литвинова-Комненич, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Памяти моей матери

*Нам следует отказаться от собственных жизненных планов,
чтобы прожить жизнь, которая нам уготована.*

Джозеф Кэмпбелл

Информация

Произведения искусства, архитектурные сооружения, места действия, научные данные и религиозные организации, описанные в романе, существуют в действительности.

Пролог

Допотопный фуникулер карабкался по головокружительному склону. Эдмонд Кирш из окна кабинки задумчиво смотрел на зубчатую вершину горы. Издалека казалось, что каменная громада монастыря парит в воздухе – словно какая-то неведомая сила удерживает ее на отвесной скале над пропастью.

Эта святыня в испанской Каталонии уже более четырех веков противостоит силе земного притяжения, неуклонно исполняя изначальную миссию: ограждать своих обитателей от современного мира.

По иронии судьбы, именно они и узнают правду первыми, подумал Кирш, пытаясь представить возможную реакцию. История учит, что самые опасные люди на земле – это божьи люди... особенно если их богам угрожает опасность. *А я как раз собираюсь разворошить осиное гнездо.*

Фуникулер достиг вершины горы, и Кирш увидел на платформе одинокую фигуру. Худой, кожа да кости, человек в пурпурной сутане и белом ракетто¹, на голове – маленькая шапочка дзукетто. Кирш узнал это суровое аскетичное лицо по фотографиям и неожиданно ощутил сильное волнение.

Меня встречает сам Вальдеспино. Лично.

Епископ Вальдеспино играл заметную роль в Испании – не только близкий друг и советник короля, но и один из самых влиятельных людей в стране, ярый защитник католических ценностей и политического консерватизма.

– Эдмонд Кирш? – с нажимом произнес епископ, обращаясь к сошедшему с фуникулера гостю.

– Он самый. – Кирш с улыбкой пожал сухую и жесткую руку. – Ваше преосвященство, искренне благодарен вам за эту встречу.

– А я ценю, что вы *настояли* на ней. – Голос епископа оказался громче, чем ожидал Кирш, – чистый и пронзительный, как звон колокола. – Мы не часто общаемся с людьми науки, особенно столь выдающимися. Сюда, пожалуйста.

Они пошли по платформе. Холодный горный ветер трепал складки одежды епископа.

– Признаюсь, выглядите вы не так, как я представлял, – заметил Вальдеспино. – Я ожидал увидеть ученого, а вы... – Он с долей сомнения оглядел щеголеватый костюм от «Китон», «К-50»², и ботинки из кожи страуса от «Баркер»³. – А вы... прямо хипстер. Так ведь это называется?

Кирш вежливо улыбнулся. *У слова «хипстер» несколько иное значение.*

– Я читал о вас, – продолжил епископ, – но толком не понял, чем вы занимаетесь.

– Теорией игр и компьютерным моделированием.

– Придумываете детские компьютерные игры?

Кирш улавливал лукавство в желании епископа казаться старомодным. Более того, он точно знал: Вальдеспино прекрасно разбирается в современных технологиях и часто предостерегает об их опасностях паству.

– Нет, сэр. Теория игр – это область математики, которая изучает различные варианты развития сложных процессов, чтобы попытаться предсказать будущее.

¹ Рокетто – предмет облачения католических епископов – белая рубаша длиной до колен. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Китон» – один из самых дорогих в мире брендов мужских костюмов. Стоимость моделей линии «К-50» начинается от 50 тыс. долларов.

³ «Баркер» – английская марка высококлассной обуви, ведущая свою историю с 1880 г.

– Ах да. Помню. Несколько лет назад вы предсказали европейский валютный кризис, верно? Никто не хотел вас слушать, но вы спасли положение, придумав компьютерную программу, которая помогла Европейскому Союзу буквально восстать из мертвых. Ваша знаменитая фраза: «Мне тридцать три – именно столько было Христу, когда он воскресил Лазаря».

Кириш смутился.

– Согласен, не слишком удачное сравнение, ваше преосвященство. Но я тогда был молод.

– Молод? – усмехнулся епископ. – А сколько вам сейчас? Около сорока?

– Ровно сорок.

Старик улыбался, полы его сутаны развеивались на ветру.

– Сказано, что кроткие должны наследовать землю, но вместо них ее наследовали молодые – заикленные на технике, те, кто глядит в экраны мониторов куда чаще, чем в собственные души. Я даже представить не мог, что у меня когда-нибудь будет повод встретиться с их кумиром. Ведь вас даже называют *пророком*.

– На этот раз я был совершенно не уверен в своем пророчестве, ваше преосвященство. Когда я просил вас и ваших коллег о конфиденциальной беседе, вероятность согласия оценивалась мной всего в двадцать процентов.

– А я сказал собратям, что верующий всегда может извлечь пользу, слушая неверующего: внимая голосу дьявола, начинаешь лучше понимать Бога. – Старик улыбнулся. – Это, конечно, шутка. Простите. Чувство юмора уже не то. И чувство меры порой изменяет. – С этими словами епископ Вальдеспино двинулся дальше. – Все в сборе и ждут вас. Сюда, пожалуйста.

Они шли к цитадели. Крепость из серого камня высилась на краю скалы, обрывающейся на сотни метров отвесно вниз, туда, где у подножия гор расстился ковер леса. От высоты захватывало дух. Кириш отвел взгляд от пропасти и двинулся вслед за епископом по дорожке вдоль неровного края обрыва, мысленно готовясь к предстоящей встрече.

Он попросил аудиенции у трех выдающихся религиозных лидеров, прибывших сюда на конференцию, которая только что закончилась.

Парламент религий мира.

Начиная с 1893 года сотни духовных лидеров, представители более тридцати религиозных течений, каждые несколько лет собирались на неделю со всех концов света, чтобы вести межконфессиональный диалог. Известные христианские священники, иудейские раввины, мусульманские муллы, а также индуистские пуджари, буддистские монахи бхикшу, джайны, сикхи и многие, многие другие.

Свои задачи Парламент видел в том, чтобы «развивать гармоничные отношения между религиями мира, наводить мосты между разными типами духовности и находить точки пересечения всех верований».

Благородная цель, подумал Кириш. Но вообще-то пустая трата времени – бессмысленный поиск случайных совпадений в мешанине преданий, сказаний и мифов.

Следуя по дорожке за епископом и поглядывая на крутые горные склоны, Кириш мысленно усмехнулся. *Моисей взойшел на гору, чтобы услышать слово Божье, я же поднялся сюда совсем с иной целью...*

Кириш уверял себя, что его привел в Монтсеррат в основном нравственный долг. Но не обошлось и без изрядной доли тщеславия – трудно отказать себе в удовольствии сказать в лицо этим святошам, что их ждет неминуемая гибель.

В нашей истине – ваш конец.

– Знаю из вашего резюме, – сказал вдруг епископ, обернувшись, – что вы учились в Гарвардском университете.

– Верно. Окончил бакалавриат.

– Ясно. Недавно я прочитал, что впервые в истории Гарварда атеистов и агностиков среди поступивших в университет оказалось больше, чем представителей любых религий. Красноречивая статистика, мистер Кирш.

Ну что вам сказать, мысленно ответил Кирш. *Просто студенты с каждым годом становятся умнее.*

Ветер усиливался. Они подошли к серой каменной громаде. Внутри царил полумрак и витал густой запах ладана. Пока они петляли по лабиринту коридоров, глаза Кирша привыкли к полутьме, и он уже вполне сносно различал впереди силуэт епископа. Наконец они оказались у небольшой деревянной дверцы. Епископ постучал, наклонился и вошел.

Кирш неуверенно переступил порог.

Высокие стены прямоугольного зала были сплошь заставлены полками со старинными томами в кожаных переплетах. Приставные стеллажи, как ребра, выпирали из стен, перемежаясь с тяжелыми чугунными радиаторами отопления, которые шипели и булькали. Возникало жутковатое чувство, что это помещение – живое существо. Кирш окинул взглядом резную балюстраду антресолей наверху и понял, куда попал.

Знаменитая библиотека монастыря Монтсеррат. Почти святая святых. По слухам, здесь есть уникальные рукописи, доступные лишь монахам, которые посвятили жизнь Богу и никогда не покидают пределов монастыря.

– Вы просили о конфиденциальной беседе, – сказал епископ. – Это самое уединенное место. Здесь редко бывают посторонние.

– Спасибо, ваше преосвященство. Оказаться здесь – большая честь для меня.

Кирш вслед за епископом подошел к большому дубовому столу, за которым сидели два пожилых человека. Слева – немощный старик с выцветшими глазами и длинной седой бородой, в мятом черном сюртуке, белой рубашке и шляпе-федоре.

– Рабби Иегуда Кёвеш, – представил его епископ. – Выдающийся еврейский философ, большой знаток каббалистической космологии.

Кирш через стол пожал руку рабби Кёвеша:

– Рад познакомиться, сэр. Читал ваши трактаты о каббале. Не могу сказать, что понял, но читал.

Кёвеш вежливо кивнул и промокнул слезящиеся глаза носовым платком.

– А это, – епископ подошел к человеку справа, – почтенный аллама Саид аль-Фадл.

Знаменитый мусульманский богослов улыбнулся и встал – невысокого роста, коренастый, с открытым добродушным лицом и темными пронизательными глазами. Одет он был в скромный белый тауб⁴.

– Рад знакомству, мистер Кирш. Читал *ваши* прогнозы о перспективах человечества. Не могу сказать, что *согласен* с ними, но читал.

Кирш с вежливой улыбкой пожал протянутую руку.

– А это наш гость Эдмонд Кирш. – Епископ повернулся к коллегам. – Ученый-компьютерщик, теоретик игр, изобретатель и в своем роде пророк технологической эры. Признаться, меня удивила его просьба о встрече с нами. Но, мистер Кирш, вы здесь, и вам слово.

Епископ Вальдеспино сел между Кёвешем и аль-Фадлом и, сложив руки перед собой, устремил выжидающий взгляд на Кирша. Троица с непроницаемыми лицами сильно смахивала на трибунал, и вообще все это больше походило на суд инквизиции, чем на дружескую встречу ученых мужей. До Кирша только сейчас дошло, что епископ даже не предложил ему сесть.

Впрочем, это было скорее смешно, чем страшно. Кирш посмотрел на сидящих перед ним стариков.

⁴ Тауб – предмет одежды у мусульман в виде широкой рубахи длиной до щиколотки.

Святая Троица. Три Мудреца.

Собираясь с духом, он подошел к окну и окинул взглядом захватывающую панораму. Внизу простиралась залитая солнцем мирная долина, обрамленная суровыми пиками горной гряды Кольсерола. А на далеком горизонте над Балеарским морем зловеще клубились черные грозовые облака.

Символично, подумал Кирш, ведь он принес страшные вести, и этим старцам, и всему миру. Потом резко повернулся и заговорил:

– Джентльмены, надеюсь, епископ Вальдеспино предупредил вас о конфиденциальности. Прежде чем мы продолжим, хочу убедиться, что вы согласны не разглашать то, чем я собираюсь поделиться. Просто подтвердите. Согласны?

Все трое молча наклонили головы. *Они бы и так никому ничего не рассказали. Не в их интересах.*

– Я сделал научное открытие, – продолжил Кирш, – думаю, оно вас удивит. Много лет я работал над тем, чтобы ответить на два фундаментальных вопроса человеческого бытия. И наконец, получив эти ответы, пришел к вам, потому что мое открытие произведет переворот прежде всего в религиозной сфере. Я бы сказал катастрофический переворот. О том, что я вам сейчас сообщу, не знает никто.

Кирш достал из кармана огромный украшенный мозаикой смартфон, сконструированный им самим, и установил перед троицей как телевизор. Осталось соединиться с суперзащищенным сервером, набрать пароль из сорока семи знаков и начнется трансляция.

– То, что вы сейчас увидите, – презентация моего обращения к миру, которое я планирую сделать примерно через месяц. Но прежде я решил ознакомить с ним самых влиятельных религиозных мыслителей: хочу узнать, как мое открытие воспримут те, кого оно касается в первую очередь.

Епископ глубоко вздохнул – скорее устало, чем встревоженно.

– Интригующее начало, мистер Кирш. Вы словно намерены показать нечто такое, что потрясет самые основы мировых религий.

Кирш обвел взглядом длинные ряды книг – священные тексты в кожаных переплетах. *Я не потрясу основы. Я разрушу все до основания.*

Он оценивающе смотрел на троицу за столом. Откуда им знать, что его грандиозное, продуманное до мелочей шоу состоится уже через три дня. И тогда всему миру станет известно: какими бы разными ни были религии, у них есть нечто общее.

Все они в корне ошибочны.

Глава 1

Профессор Роберт Лэнгдон с удивлением разглядывал сидящего щенка высотой двенадцать метров. Вместо шерсти на нем рос пестрый газон с благоухающими цветочками.

В конце концов, почему бы и нет? – подумал профессор.

Задержавшись у странной скульптуры, Лэнгдон двинулся дальше – по нисходящей террасе хаотически переплетенных лестниц, разнокалиберные ступени которых постоянно сбивали с шага и ритма. *Ну вот и все*, пару раз проносилась мысль, когда, запнувшись на неровных ступеньках, он чуть было не полетел вниз.

У подножия он остановился и, задрав голову, устремил взгляд на то, что высилось над ним.

Так вот ты какая.

Огромная железная паучиха – «черная вдова». Тонкие лапы поддерживают овальное тело на высоте девяти метров. К животу подвешена камера для яиц из крупноячеистой металлической сетки, туго набитая стеклянными шарами.

– Ее зовут Маман, – услышал вдруг Лэнгдон.

Опустив взгляд, он увидел перед собой щуплого человека со смешными усами а-ля Сальвадор Дали, одетого в темный парчовый кафтан шервани.

– Я Фернандо. Добро пожаловать в наш музей. – С этими словами он перевел взгляд на бейджики, разложенные на столике перед ним. – Могу я спросить, как вас зовут, сэр?

– Роберт Лэнгдон.

– О, простите, сэр, я не узнал вас, – смущенно пробормотал Фернандо.

Я и сам бы себя не узнал, подумал Лэнгдон. В черном фраке и белом жилете с белой бабочкой он чувствовал себя неловко. *Как певец из Йельской университетской капеллы*. Фрак этот появился лет тридцать назад, когда Лэнгдон вступил в клуб «Лиги плюща» в Принстоне⁵. Но он мог позволить себе надеть его и сейчас – вот что значат ежедневные визиты в бассейн!

В спешке собирая чемодан, Лэнгдон взял из шкафа не тот чехол с одеждой, и привычный смокинг остался дома.

– В приглашении говорится «черное и белое», – сказал Лэнгдон. – Я подумал, фрак подойдет.

– О, фрак – это классика! Выглядите потрясающе! – Фернандо вышел из-за стола и аккуратно прикрепил бейджик к лацкану на фраке Лэнгдона. – Для меня большая честь познакомиться с вами. Вы ведь уже бывали у нас?

Лэнгдон взглянул на ослепительно сияющее за паучихой здание музея.

– Стыдно признаться, я тут впервые.

– Не может быть. – Фернандо картинно закатил глаза. – Не любите современное искусство?

Лэнгдону в принципе нравилось современное искусство – его *вызов*. Особенно интересно было понять, почему то или иное произведение считается шедевром: живописный хаос Джексона Поллока, «Банки с супом Кэмпбелл» Энди Уорхола, цветные прямоугольники Марка Ротко. Но все же Лэнгдон чувствовал себя куда комфортнее, обсуждая религиозный символизм Босха или особенности художественной манеры Франсиско Гойи.

– Я поклонник классики, – ответил Лэнгдон. – Леонардо да Винчи мне ближе, чем Кунинг.

– Но да Винчи и Кунинг – они же *так похожи*!

⁵ Клуб, объединяющий принстонских бакалавров, существует с 1879 г.

Лэнгдон натянуто улыбнулся:

– Наверное, мне стоит поближе познакомиться с творчеством Кунинга.

– Более подходящего места вы не найдете. – Фернандо простер руку в сторону сияющей громады. – В нашем музее лучшее в мире собрание современного искусства. Надеюсь, вам понравится.

– И я надеюсь, – ответил Лэнгдон. – Только не совсем понимаю, *зачем* я здесь.

– Не вы один. Никто ничего не понимает. – Фернандо рассмеялся и замотал головой. – Устроитель праздника все хранит в строжайшей тайне. Даже персонал музея не в курсе, что сегодня будет. Тем интереснее! Ходят самые невероятные слухи. Несколько сотен приглашенных! Множество знаменитостей! И никто ничего не знает!

Лэнгдон усмехнулся. Мало у кого хватило бы наглости разослать в последнюю минуту такие приглашения: *В субботу вечером. Жду. Поверь, это важно.*

И совсем мало тех, ради кого сотни ВИП-персон бросят все и сломя голову помчатся в *северную Испанию* на непонятное мероприятие.

Лэнгдон вышел из-под паучихи и двинулся по дорожке в сторону гигантского красного баннера:

ВЕЧЕР С ЭДМОНДОМ КИРШЕМ

Чем-чем, а скромностью Эдмонд никогда не отличался, с усмешкой подумал Лэнгдон.

Лет двадцать назад молодой Эдди Кирш, вихрастый компьютерщик-ботан, стал одним из первых студентов Лэнгдона в Гарварде. Страсть к цифрам привела его к новоиспеченному преподавателю на спецсеминар «Коды, шифры, язык символов». На Лэнгдона интеллектуальные способности Кирша произвели неизгладимое впечатление. И хотя тот скоро оставил тусклый мир семиотики ради сияющих вершин компьютерных технологий, у них установились прочные отношения по типу «любимый преподаватель – любимый студент», сохранявшиеся больше двух десятилетий после окончания Киршем Гарварда.

И вот ученик обогнал учителя, подумал Лэнгдон, *на несколько световых лет.*

Сегодня Эдмонд Кирш всемирно известный гений: миллиардер, компьютерный гуру, изобретатель, предприниматель, предсказатель будущего. В свои сорок лет он совершил удивительные открытия в самых разных областях: робототехнике, исследованиях человеческого мозга, искусственного интеллекта, нанотехнологиях. А целый ряд открытий он просто предсказал, и это создало вокруг него настоящий мистический ореол.

Лэнгдон считал, что невероятно точные предсказания Эдмонда обусловлены очень широким кругом знаний. Он помнил, что Эдмонд всегда был ненасытным книголюбом – читал все, что написано. Такой страсти к книгам и таких способностей усваивать прочитанное Лэнгдон никогда не встречал.

Последнее время Кирш жил по большей части в Испании – он влюбился в эту страну, ему нравилось все: очарование старины, авангардная архитектура, неповторимые джин-тоник-бары и прекрасный климат.

Раз в год, когда он приезжал в Кембридж выступать в медиалаборатории Массачусетского технологического института, они обедали в Бостоне в очередном модном заведении, о котором Лэнгдон раньше даже не слышал. Они никогда не говорили о технологиях, Кирша интересовало только искусство.

– Роберт, ты мой личный советник по культуре, – любил шутить Кирш, – тем более что другой любви у тебя в жизни нет.

Подтрунивание над тем, что Лэнгдон все никак не женится, приобретало дополнительную иронию в устах убежденного холостяка, считающего моногамию «бунтом против эволюции» и постоянно мелькающего в светской хронике в компании супермоделей.

Обычно, говоря об ученом-компьютерщике, представляешь замкнутого, небрежно одетого чудака не от мира сего. Но Кирш был настоящей звездой тусовок, он вращался в кругах знаменитостей, одевался по самой последней моде, слушал заумную андеграундную музыку и собрал целую коллекцию бесценных полотен импрессионистов и современных художников. Намереваясь приобрести новый шедевр, Кирш часто по электронной почте спрашивал совета у Лэнгдона.

И всегда поступал наоборот, усмехнулся профессор.

Год назад во время очередной встречи Кирш удивил Лэнгдона, вдруг начав разговор не об искусстве, а о Боге. Странная тема для убежденного атеиста. Отдавая должное говяжьим ребрышкам крудо в бостонском ресторане «Тайгер мама», Кирш расспрашивал Лэнгдона про основные догматы разных религий. Особенно его интересовали версии сотворения мира.

Лэнгдон сделал тогда солидный обзор самых известных религиозных концепций, остановившись и на общей для иудаизма, христианства и ислама книге Бытия, и на индуистском рассказе о Брахме, и на вавилонской легенде о Мардуке.

– Интересно, – спросил Лэнгдон, когда они вышли из ресторана, – почему человек, живущий будущим, так интересуется прошлым? Неужели Великий Атеист пришел к Богу?

Кирш от души рассмеялся:

– Не дожدهшься, Роберт! Просто хочу лучше изучить конкурирующую фирму.

Эдмонд в своем репертуаре, мысленно улыбнулся Лэнгдон.

– Но послушай, – сказал он, – наука и религия не конкуренты, они говорят об одном и том же, только на разных языках. В этом мире места хватит обеим.

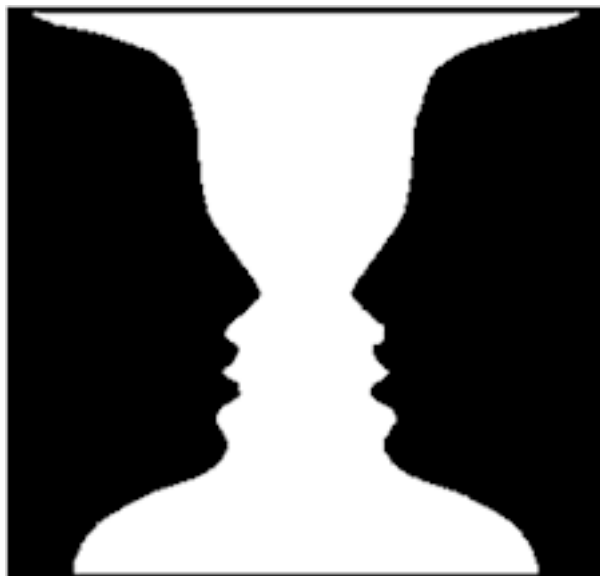
После этой встречи Эдмонд исчез почти на год, и вдруг три дня назад Лэнгдону доставили пакет «Федерал экспресс»: билет на самолет, подтверждение брони отеля и записку: *Роберт, твое присутствие для меня особенно важно. Именно твои откровения во время нашего последнего разговора сделали этот вечер возможным.*

Лэнгдон ничего не понял. Какая связь между тем разговором и грандиозным мероприятием на другом конце света?

В конверте «Федерал экспресс» еще была карточка, на ней – два черных профиля на белом фоне. И стишок Кирша:

Роберт,
Лицом к лицу, вот я, вот ты.
И я пойму смысл пустоты.

– *Эдмонд*

Лэнгдон улыбнулся. Остроумный намек на историю, в которой он принимал участие несколько лет назад. Пространство между двумя черными профилями образовывало форму чаши Святого Грааля.

И вот Лэнгдон здесь, возле музея, и гадает, что затеял его бывший студент. Легкий ветерок развеивал полы фрака, Лэнгдон шел по бетонной дорожке вдоль петляющей реки Нервьон, которая когда-то была главной артерией крупного промышленного центра. Казалось, в воздухе до сих пор витает слабый запах раскаленной меди.

После очередного поворота он наконец решил внимательно рассмотреть сияющую громаду музея. Ее невозможно было охватить взглядом. Приходилось вновь и вновь переключать внимание, следуя изгибам причудливых вытянутых форм.

Это не нарушение правил, подумал Лэнгдон. Это полное отрицание всяких правил. Идеальное место для Эдмонда.

Музей Гуггенхайма в испанском Бильбао как галлюцинация инопланетянина: буйный вихрь искривленных металлических конструкций, нагроможденных друг на друга почти без плана и смысла. Огромная конструкция, покрытая более чем тридцатью тысячами титановых листов, сверкающих на солнце, словно рыба чешуя, оставляла впечатление чего-то одновременно живого и бесконечно далекого: словно футуристический Левиафан выполз из реки погреться на солнце. В 1997 году, когда музей открылся, журнал «Нью-Йоркер» написал, что архитектор Фрэнк Гери создал «волнообразный корабль мечты в титановой мантии». Да и весь мир был в восторге: «Величайшее сооружение нашего времени!», «Сияющее великолепие!», «Архитектурный подвиг!»

С тех пор появились десятки «деконструктивистских» зданий – концертный зал «Дисней» в Лос-Анджелесе, «Мир “БМВ”» в Мюнхене и даже новая библиотека в альма-матер Лэнгдона. Каждый проект по-своему необычен, но ни один не производит такого ошеломляющего впечатления, как музей Гуггенхайма в Бильбао.

Очертания чешуйчатого титанового гиганта менялись с каждым шагом, представляли иными и неповторимыми. Лэнгдона поразила еще один эффект. Под определенным углом зрения казалось, что огромная конструкция скользит по воде, уплывает в даль широкой заводи, вплотную подступающей к стенам музея. Лэнгдон наслаждался волшебным зрелищем и пошел через заводь по минималистскому пешеходному мосту над зеркальной водной гладью. На середине он вдруг услышал странное шипение, как будто что-то кипело внизу. Он замер, и внезапно из-под моста начала подниматься клубящаяся пелена тумана. Молочное

облако окутало Лэнгдона, а потом медленной белой волной двинулось через заводь, наполовину скрыв здание музея.

Скульптура из тумана, подумал Лэнгдон. Он читал об экспериментах японской художницы Фуджико Накая. Уникальность ее «скульптур» в том, что они созданы из «видимого воздуха», – это волна тумана, которая возникает и растворяется. А поскольку ветер и погодные условия меняются, каждый день скульптура выглядит иначе.

Под мостом все стихло. Пелена тумана, беззвучно клубясь, стелилась по заводу, словно живое разумное существо. Было в этом что-то неземное. Огромный музей парил над водой, покоясь на облаке, будто затерянный в море корабль-призрак. И только Лэнгдон собрался пойти дальше, как водная гладь вдруг покрылась мелкой рябью. С ревом взлетающей ракеты из воды поднялись пять огненных столбов, пронизывая светом туманный воздух и дробясь отражениями на титановой чешуе здания.

Конечно, Лэнгдону больше по душе была традиционная архитектура, скажем, Лувра или Прадо. Но глядя на феерию огня и тумана, он подумал: трудно подобрать более подходящее место, чем этот ультрасовременный музей, для выступления человека, который в равной степени любит искусство и современные технологии и словно открытую книгу читает будущее.

Лэнгдон прошел сквозь туман и оказался у входа в музей. Зловещая черная дыра, похожая на зев рептилии. Когда он переступал порог, у него появилось недоброе предчувствие, словно он делал шаг в пасть дракона.

Глава 2

Адмирал Луис Авила сидел за стойкой в пустом пабе незнакомого города. Он устал. Он только что прилетел. Ради предстоящей миссии пришлось преодолеть несколько тысяч миль за двенадцать часов. Он пил обычный тоник, уже второй стакан, и разглядывал ряды разноцветных бутылок в баре.

Всякий может оставаться трезвым в пустыне, меланхолично размышлял он, но в оазисе отказаться от спиртного способен лишь бесконечно преданный делу человек.

Авила не прикасался к алкоголю почти год. Он посмотрел на свое отражение в зеркальной стенке бара. Сегодня ему нравилось то, что он видел.

Авила принадлежал к тому счастливому типу средиземноморских мужчин, которым годы идут на пользу. С возрастом жесткая черная щетина превратилась в солидную, с проседью, бороду, некогда страстные черные глаза теперь излучали спокойную уверенность, а гладкую смуглую кожу, задубевшую от солнца и ветра, избороздили морщины. Казалось, он постоянно смотрит в морскую даль с капитанского мостика.

В свои шестьдесят три Авила был подтянут и строен. Выpravку подчеркивал отлично скроенный адмиральский мундир – белый двубортный китель, золотые погоны, эскадра медалей на груди, накрахмаленный воротничок-стойка и свободные белые, расшитые шелком брюки.

Про Испанскую Армаду уже не скажешь «непобедимая», но мы еще не разучились шить форму для своих офицеров.

Адмирал годами не надевал парадный мундир, но сегодня особый день. На улицах этого незнакомого города женщины бросали на него восхищенные взгляды, а мужчины невольно уступали дорогу.

Человек долга невольно вызывает уважение.

– ¿Otra tónica?⁶ – обратилась к нему из-за стойки симпатичная барменша. Полноватая, лет тридцати, с кокетливой улыбкой.

Авила покачал головой:

– No, gracias⁷.

Других посетителей в пабе не было, и Авила постоянно чувствовал на себе ее восхищенный взгляд. Приятно, когда на тебя так смотрят. *Я восстал из бездны.*

Он никогда не забудет того кошмара. Пять лет назад. Оглушительный миг, когда земля разверзлась и поглотила его.

Кафедральный собор Севильи.

Воскресное пасхальное утро.

Андалузское солнце пробивается сквозь витражи и калейдоскопически расцветивает яркими пестрыми бликами убранство собора. Торжественно гремит орган – словно многотысячный хор верующих празднует чудесное воскресение из мертвых.

Коленопреклоненный Авила в ожидании причастия у алтарной ограды, душа полна умиления и благодарности. После долгих лет морской службы Господь благословил его и дал самое дорогое на свете – семью. Улыбаясь, Авила оборачивается и смотрит на молодую жену Марию, которая сидит на скамье у самого входа в собор. Она на последних месяцах беременности, ей трудно ходить. Рядом с ней – их трехлетний сын Пепе. Он машет ручкой отцу. Авила подмигивает сыну, а Мария, глядя на мужа, умиротворенно улыбается.

⁶ Еще тоник? (исп.)

⁷ Нет, спасибо (исп.).

Благодарю тебя, Господи, мысленно произносит Авила, поворачиваясь к ограде, чтобы принять причастие.

И тут древний собор сотрясается от оглушительного взрыва.

Яркая вспышка. И весь мир Авилы исчезает в огне.

Взрывная волна швыряет его на алтарную ограду, осыпает бесчисленными осколками, обломками, ошметками человеческих тел. Авила приходит в себя и, задыхаясь от дыма, не может понять, где он и что с ним. Сквозь звон в ушах – душераздирающие крики. Дрожа, он встает и с ужасом оглядывается вокруг. Этого не может быть, это страшный сон, говорит он себе. Шатаясь, устремляется сквозь клубы дыма и пыли мимо стонущих, обезображенных тел туда, где еще минуту назад на церковной скамье сидели его жена и сын.

Но там ничего нет.

Ни скамьи. Ни людей.

Только кровавые ошметки на обожженном взрывом каменном полу.

Страшные воспоминания милостиво оборвал колокольчик над дверью в паб. Авила сжал рукой стакан *tónica*, сделал большой глоток, пытаясь привычным усилием воли избавиться от преследующего его кошмара.

Дверь распахнулась, и в паб ввалились двое здоровенных парней в зеленых футболках, обтягивающих животы. Фальшивя, они ревели песню ирландских футбольных болельщиков. Очевидно, сегодня местный клуб играет с ирландцами.

Это знак, пора идти, подумал Авила и встал. Попросил счет, но барменша лишь покачала головой и подмигнула. Он поблагодарил ее и направился к выходу.

– Ни хрена себе! – заорал один из парней, уставившись на парадный мундир Авилы. – Да это ж сам испанский король!

Оба разразились гоготом и, покачиваясь, двинулись к нему.

Авила попытался обойти их, но тот, что покрепче, грубо схватил его за руку и усадил на стул.

– Не дергайся, ваше величество. Раз уж мы в Испании, надо попить пивка с королем.

Авила демонстративно посмотрел на грязную руку, сжимающую отглаженный рукав белоснежного кителя.

– Позвольте пройти, – спокойно сказал он, вставая. – Я спешу.

– Не-не-не! Ты обязательно выпьешь с нами, *amigo*⁸!

И парень только усилил хватку, а его приятель начал тыкать пальцем в медали на груди Авилы.

– А ты, папаша, похоже, герой, – говорил он, дергая за один из самых заметных знаков отличия. – Это что, булава? Типа рыцарь в сияющих доспехах?

И они снова захохотали.

Спокойно, уговаривал себя Авила. На своем веку он много повидал таких – тупых, несчастных, никогда ни за что не боровшихся. Они способны только хамски пользоваться правами и свободами, которые завоевали для них совсем иные люди.

– Этот жезл, – тихо проговорил Авила, – эмблема *Unidad de Operaciones Especiales*⁹ Испании.

– Спецоперации? – с притворным испугом переспросил парень. – Круто. А это эмблема чего? – указал он на правую руку адмирала.

Авила опустил взгляд. На ладони у него был вытатуирован черный символ, история которого уходила корнями в четырнадцатый век.

⁸ Друг (*исп.*).

⁹ Подразделение специальных операций (*исп.*).

А это моя защита, подумал Авила. Хотя она мне сейчас не нужна.

– Ладно, черт с ним. – Парень наконец отпустил руку Авилы и переключился на барменшу: – А ты симпатичная. Небось, стопроцентная испанка?

– Да, – скромно ответила девушка.

– А не хочешь, чтобы тебе вставили что-нибудь ирландское?

– Нет.

– А вдруг тебе понравится? – Здоровяк истерически захохотал и грохнул кулаками о стойку.

– Оставьте ее в покое, – сказал Авила.

Ирландцы одновременно повернулись и уставились на него. Тот, что поменьше, сильно ткнул его в грудь.

– Будешь учить нас, что делать?

Авила глубоко вздохнул. Как он устал. Какой длинный день.

Он медленно направился к бару.

– Садитесь, джентльмены. Я угощу вас пивом.

Хорошо, что он остался, подумала девушка. Она и сама способна постоять за себя, но этот моряк так спокойно управлялся с ублюдками, что она малодушно понадеялась, может, он вообще просидит до закрытия.

Адмирал заказал два пива, а себе еще один тоник и занял прежнее место за стойкой. Парни сели рядом, с двух сторон.

– Тоник? Без джина? – гаркнул один из них. – Я думал, мы выпьем вместе.

Адмирал устало улыбнулся барменше и залпом осушил стакан.

– У меня, к сожалению, дела. – Он поднялся. – А вы, ребята, пейте пиво. На здоровье.

Но они синхронно, как по команде, с двух сторон положили ему на плечи свои ручки и жестко усадили на стул. В глазах адмирала промелькнула искорка гнева.

– Папаша, я не думаю, что ты уйдешь и оставишь нас со своей девахой. – Здоровяк с нескрываемой похотью посмотрел на барменшу.

Адмирал немного помедлил, а потом опустил руку в карман кителя.

Парни тут же крепко схватили его за руки:

– Эй-эй, ты что делаешь?

Очень медленно Авила достал из кармана мобильный телефон и что-то сказал парням по-испански. Они тупо смотрели на него, и адмирал снова перешел на английский:

– Простите, надо позвонить жене, сказать, что задерживаюсь. Похоже, придется посидеть с вами еще какое-то время.

– Другой разговор, – крикнул тот, который поздоровей, допил пиво и грохнул бокалом по стойке. – Еще!

Наливая пиво, девушка видела в зеркале, как адмирал нажал на телефоне несколько кнопок и быстро заговорил по-испански.

– Le llamo desde el bar Molly Malone, – читал адмирал название бара и адрес на подставке перед собой. – Calle Particular de Estraunza, ocho¹⁰. – Он выдержал паузу и продолжил: – Necesitamos ayuda inmediatamente. Hay dos hombres heridos¹¹. – И нажал отбой.

¿Dos hombres heridos? У барменши забилося сердце. Двое пострадавших?

Не успела она опомниться, как адмирал резко повернулся вправо и врезал локтем в нос тому, что поздоровей. Раздался хруст. Брызнула кровь, и парень упал на спину. Второй не успел даже дернуться, как адмирал уже повернулся влево и, вмазав ему другим локтем по кадыку, сбил со стула. Барменша, застыв, смотрела на парней на полу. Один визжал, залитый кровью, другой хрипел, схватившись за горло. Адмирал медленно встал. С ледяным спокойствием достал бумажник, положил на стойку купюру в сто евро.

– Приношу извинения, – сказал он девушке по-испански. – Полиция скоро приедет, вам помогут. – Повернулся и вышел.

Адмирал вдохнул вечерний воздух и пошел по улице Аламеда-де-Мазаредо к реке. Услышав звук приближающейся полицейской сирены, отступил в тень, пропуская блюстителей порядка. Предстояла серьезная работа, и Авила больше не мог себе позволить непредвиденных происшествий.

Регент четко поставил передо мной задачу.

Получая приказы от Регента, Авила успокаивался. Не думай. Не сомневайся. Просто делай. После долгих лет на командных постах было так приятно и легко сойти с мостика, уступить место у штурвала.

Идет война. Я рядовой пехотинец.

Пару дней назад Регент поделился с Авиллой таким секретом, что он без колебаний вызвался исполнить порученное.

И все же чудовищная жестокость предстоящей миссии не давала ему покоя. Но Авила знал – это ему простится.

Праведность принимает разные формы.

Много крови прольется сегодня еще до начала ночи.

Выйдя на большую площадь у реки, он увидел огромное сооружение. Волнообразная мешанина странных форм, покрытых металлическими листами, – словно две тысячи лет архитектурного прогресса вышвырнули в помойку во имя тотального хаоса.

И это уродство они называют музеем.

Собравшись с мыслями, Авила пересек площадь и пошел мимо чудовищных скульптур к музею Гуггенхайма. На подходе к зданию толпились десятки людей, элегантно одетых, все в черном и белом.

Собрались служить безбожную мессу.

Но все сегодня будет совсем не так, как они задумали.

Он поправил адмиральскую фуражку, одернул китель, мысленно подбадривая себя: это просто работа, которую надо сделать. И эта работа – лишь первый шаг великой миссии, крестового похода праведников.

Шагая через внутренний двор ко входу в музей, он осторожно перебирал четки в кармане кителя.

¹⁰ Звонят из бара «Молли Мэлоун». Улица Партикуляр-де-Эстранца, восемь (исп.).

¹¹ Срочно нужна помощь. Двое пострадавших (исп.).

Глава 3

Атриум музея напоминал футуристический собор.

Взгляд Лэнгдона невольно устремился вверх, «в небеса»: колоссальные белые колонны и стеклянный занавес поднимались на шестьдесят метров к сводчатому потолку, с которого лилось чистое белое сияние галогенных ламп. Парящая под галогенными небесами сеть переходов, площадок, балконов была испещрена черно-белыми фигурками приглашенных, которые сновали по верхним галереям или стояли у окон, созерцая водную гладь. Стеклянные лифты бесшумно опускались вдоль стен «на землю» за новыми гостями.

Таких музеев Лэнгдон еще не видел. Даже акустика другая. Вместо обычной благоговейной тишины, обеспечиваемой звукопоглощающими материалами, все гудело эхом бесчисленных голосов, отраженных стеклом и камнем. Единственное, что знакомо, – привкус стерильности, воздух здесь был «музейный» – прошедший систему грубой и тонкой очистки, ионизированный, 45-процентной влажности.

Лэнгдон прошел через ряд на удивление узких рамок металлоискателей, обратив внимание на большое количество вооруженных охранников, и оказался у еще одного стола регистрации. Молодая женщина протянула ему наушники: «Audioguía?¹²»

Лэнгдон с улыбкой отказался.

Но женщина остановила его и перешла на английский:

– Простите, сэр. Но хозяин вечера, мистер Эдмонд Кирш, распорядился, чтобы все были в наушниках. Это предусмотрено программой.

– Хорошо, я возьму.

Лэнгдон потянулся было к наушникам на столе, но женщина вежливо отвела его руку, нашла его имя в длинном списке гостей и выдала наушники с соответствующим номером.

– Аудиотуры у нас сегодня индивидуальные. У каждого свой аудиогид.

Как такое возможно? Лэнгдон огляделся. *Здесь же сотни гостей.*

Потом с удивлением посмотрел на «наушники». Изящная металлическая полупетля с миниатюрными подушечками на концах. Заметив его замешательство, женщина поспешила прийти на помощь.

– Это новая модель, – сказала она, пристраивая гарнитуру. – Они вставляются не в уши, просто прижимаются к лицу.

Она приладила гарнитуру: полупетля обхватила шею сзади, а подушечки прижались к скулам.

– Но как же я буду...

– Аудио-костная технология. Звуковые вибрации передаются непосредственно на челюсть и оттуда прямо на слуховую улитку, минуя мембрану. Я пробовала, забавное ощущение – голос звучит как будто у тебя в голове. И при этом уши свободны – можно слышать людей вокруг.

– Остроумно.

– Разработка мистера Кирша десятилетней давности. Выпускается сегодня многими производителями.

Надеюсь, Людвиг ван Бетховен получает свой процент, подумал Лэнгдон. Известно, что костную звукопроводимость великий композитор использовал еще в девятнадцатом веке. Потерявший слух гений обнаружил, что если один конец металлического прута прикрепить к фортепиано, а другой зажать в зубах, то звуковые колебания передаются через челюсти и он слышит то, что играет.

¹² Аудиогид? (исп.)

– Надеюсь, вам понравится. До презентации еще час. Можете осмотреть экспозицию. Аудиогид предупредит вас, когда надо будет идти наверх, на мероприятие в зал.

– Спасибо. А куда нажимать...

– О, никуда, – улыбнулась молодая женщина. – Гарнитура сама активируется. Аудиотур включится, как только вы начнете движение.

– Ах да, конечно, – кивнул Лэнгдон с улыбкой и двинулся через атриум, по которому неспешно прохаживались гости. Все ждали лифтов. У каждого был свой аудиогид.

Не успел он дойти до середины атриума, как в голове прозвучал мужской голос:

– Добрый вечер и добро пожаловать в музей Гуггенхайма в Бильбао.

Лэнгдон вроде бы знал, что это «наушники», но все равно невольно остановился и обернулся. Поразительный эффект – женщина была права: казалось, будто кто-то сидит у него в голове.

– Профессор Лэнгдон, мы с особой сердечностью приветствуем вас. Меня зовут Уинстон. Мне выпала честь быть вашим гидом. – Интонации образованного светского человека, слышен легкий британский акцент.

Кого они записали – может, Хью Гранта?

– Осматривайте экспозицию в любой последовательности, – ободряюще предложил гид. – Идите куда заблагорассудится, а я по мере сил постараюсь помочь лучше понять то, что вы увидите.

Похоже, кроме аудиозаписи, персональных данных на каждого посетителя, особой аудиотехнологии, к «наушникам» прилагается еще и система GPS, чтобы точно определять, где находится посетитель и какой экспонат надо представлять.

– Я понимаю, сэр, – продолжал гид, – вы не обычный посетитель, вы профессор искусствознания и вряд ли нуждаетесь в моих пояснениях. К тому же допускаю, что вы можете в корне не согласиться с некоторыми из моих трактовок. – В голосе послышалась улыбка.

Даже так? Кто же сочинил этот текст? Приятный голос и персональный подход – это, конечно, мило и трогательно, но Лэнгдон даже представить не мог, какой колоссальный объем работы надо было проделать, чтобы настроить гарнитуры на несколько сотен посетителей.

Уинстон наконец умолк, словно утомившись от своей заранее записанной приветственной речи. Лэнгдон огляделся. Над атриумом парил еще один огромный красный баннер.

ЭДМОНД КИРШ

СЕГОДНЯ МЫ ШАГНЕМ В БУДУЩЕЕ

Что же задумал Эдмонд?

Лэнгдон посмотрел в сторону лифтов. Там оживленно беседовала группа гостей. Два знаменитых владельца глобальных интернет-компаний, прославленный индийский актер и еще какие-то хорошо одетые и наверняка тоже известные всем, но не ему, VIP-персоны. Не испытывая большого желания обсуждать социальные медиа и Болливуд, Лэнгдон двинулся в другую сторону, туда, где у дальней стены располагался очередной образчик современного искусства.

Инсталляция, помещенная в темной нише, состояла из девяти узких конвейерных ленточек, которые выходили из прорезей в полу и бежали вверх, исчезая в прорезях на потолке. Все это напоминало девять поставленных вертикально тренажеров «беговая дорожка». На каждой ленточке – светящиеся слова, которые узкой полоской двигались снизу вверх.

Я молюсь вслух... Я чувствую твой запах на моей коже... Я произношу
твое имя.

Лэнгдон подошел ближе и понял: ленты на самом деле неподвижны, иллюзию движения создают слои светодиодов на них. Огоньки последовательно загорались, формируя слова, и получалась бегущая строка – от пола до потолка.

Я громко плачу... Там была кровь... Никто не сказал мне.

Лэнгдон обошел «бегущие строки» со всех сторон, внимательно изучая конструкцию.

– Интересная вещь, – неожиданно ожил аудиогид. – Называется «Инсталляция для Бильбао», автор – художница-концептуалистка Дженни Хольцер. Девять светодиодных панелей, каждая высотой около двенадцати метров. По ним бегут слова на баскском, испанском и английском. Речь идет об ужасах СПИДа и страданиях людей, от которых все отвернулись.

Ничего не скажешь, все это завораживало и даже волновало.

– Возможно, вы уже знакомы с работами Дженни Хольцер?

Лэнгдон как замороженный смотрел на бегущие вверх слова.

Я хороню мою голову... Я хороню твою голову... Я хороню тебя.

– Мистер Лэнгдон, – настойчиво повторял гид, – мистер Лэнгдон, вы слышите меня? Ваша гарнитура в порядке?

Лэнгдон наконец отвлекся от своих мыслей:

– Простите, что? Алло? Кто говорит?

– Кто говорит? – удивленно спросил голос. – Я думал, мы уже познакомились. Просто хотел проверить, слышите ли вы меня.

– Простите... извините, – пробормотал Лэнгдон, вышел из ниши в атриум и невольно стал оглядываться по сторонам. – Я думал, это просто запись. Я не знал, что все время со мной говорил живой человек. – Он представил огромное помещение, где сидят три с лишним сотни экскурсоводов в наушниках и с музейными каталогами в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.